

Дмитрий Кудрец

**Jus vitae
ac necis**

Дмитрий Кудрец

Jus vitae ac necis

«Издательские решения»

Кудрец Д.

Jus vitae ac necis / Д. Кудрец — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960422-4

Jus vitae ac necis — право жизни и смерти. Как, оказываясь перед таким выбором, не растерять в себе человеческое, гуманное? Как при этом не возомнить себя богом и остаться человеком?

ISBN 978-5-44-960422-4

© Кудрец Д.
© Издательские решения

Jus vitae ac necis

Дмитрий Кудрец

© Дмитрий Кудрец, 2018

ISBN 978-5-4496-0422-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Весна в этом году выдалась ранняя. Теплый, но все еще сырой апрельский ветерок залез в распахнутые окна и перемешивал уличные ароматы прелой листвы и талого снега с большими запахами лекарств и хлорки, теряясь где-то в глубинах больничных коридоров.

У окна стояло двое. Один, облокотившись на подоконник, задумчиво пускал густые сизые клубы дыма. Другой, сидя на подоконнике, играл со спичечным коробком. Подбрасывал его вверх, ловил, опять подбрасывал и снова ловил.

– Ну так что? – спросил игравший коробком. – В воскресенье едем?

– До воскресенья еще дожить надо, – сухо ответил другой, выдыхая очередную порцию сизого дыма.

– У тебя всегда так, – фыркнул игравший. – Скажи сразу – лень задницу от дивана оторвать. Второй месяц собираемся. Тхло пропустили. Мужики вон рыбу мешками таскают.

– Это не от меня зависит, – вздохнул куривший. – ГВ всунет опять ночное дежурство – вот и вся рыба.

– Да пошли ты ее подальше! – игравший перестал играть коробком и спрятал его в карман халата. – Нашла крайнего. Как дежурить в выходной – Иванов. Как задержаться после работы – опять Иванов. Будто в больнице никого другого нет. Вон пусть молодых ставит. Не перетрудятся. Ты сколько здесь работаешь? Лет двадцать?

– Двадцать два, – уточнил Иванов.

– Вот видишь. Пора и свой голос иметь. Раз бы отказался, больше бы не полезла.

– Да не могу я так, Никита, – Иванов задумчиво выпустил сизый клуб дыма.

– Сможешь, Степа, сможешь. Первый раз всегда трудно, – Никита похлопал Степана по плечу. – Слушай, а она к тебе явно неравнодушна!

– С чего ты взял? – Иванов удивленно вскинул брови.

– Так она тебя по каждому поводу вспоминает. Ты сам подумай. В выходные кто чаще всех дежурит? Ты. Выговоры кто чаще всех получает? Опять ты. Премия у кого больше всех? Опять у тебя. Я бы на твоём месте подъехал к ней наедине с бутылочкой, с цветочками. Баба она ничего, только мужиков не любит.

– А сам что? – Степан ехидно взглянул на собеседника. – Взял бы и подъехал.

– У меня жена, дети, – наиграно вздохнул Никита. – Еще аморальное поведение припишут.

– Сводничество тебе припишут, – резко оборвал его Степан и выбросил окурок в открытое окно. Окурок, плавно описав дугу, шлепнулся на грязный снег и сердито зашипел. – Ты был сегодня у той, из двадцать шестой?

– А что с ней станется? – отмахнулся Никита. – Она какая-то ненормальная. Пятый месяц, а она орет, что ей рожать пора.

– Ты с ней поосторожней, – произнес Степан. – Она – протеже ГВ. У нее папа – большая шишка. Так что зря свой рот не раскрывай.

– Учту, – Никита потянулся. – Что-то сегодня рожать никто не хочет. Застоялись руки без работы.

– А тебе что? – Иванов усмехнулся. – Плохо?

– Так недолго и квалификацию потерять.

– Кто бы говорил.

– Доктор Иванов, вас просят зайти во второй родильный зал, – раздалось откуда-то сверху.

– Накаркал, – улыбнулся Степан. – Делать ГВ нечего – понаставила динамиков по всей больнице.

– Любит баба технические средства, – Никита сполз с подоконника, разминая затекшие ноги. – Я представляю, что у нее дома творится. Наверное, сплошной научно-технический прогресс.

– Доктор Иванов, вас просят... – динамик захрипел и замолк.

– Вот тебе и прогресс, – улыбнулся Степан. – Ладно, пойду. А то сейчас медсестра прилетит.

– А ты разве не любишь, когда за тобой бегают?

– Люблю, но не на работе, – Иванов зашагал четким размеренным шагом по гулкому коридору.

– А как же рыбалка? – крикнул ему вслед Никита.

– Потом поговорим, – отмахнулся Степан и, засунув руки в карманы халата, повернул в сторону родзала.

– Ну, что у нас там? – натягивая перчатки, спросил Иванов у возившейся с инструментами молоденькой медсестры.

– Роженица Семенова Людмила Николаевна, – отчеканила медсестра. – Плод нормальный. Без патологий,

– Молоденькая, – улыбнулся Иванов, взглянув через приоткрытую дверь на лежавшую на операционном столе роженицу. – Это хорошо.

– Что хорошо? – не поняла медсестра.

– Хорошо, что без патологий, – пояснил Иванов, подставляя руки под струйку воды, еле сочившейся из крана. – И что молодая тоже хорошо. А что это значит?

– Что? – опять не поняла сестра.

– То, что рожать будет сама, – Иванов быстро сменил халат, привычным движением натянул перчатки и повернулся к сестре. – Студентка?

– Да, – медсестра стыдливо опустила глаза.

– Какой курс?

– Четвертый. Я у вас на практике.

– Давно?

– Вторую неделю.

– А почему я тебя раньше не видел? – Степан стал переключать приготовленный инструмент.

– А я в патологии была, а теперь сюда перевели.

– Направили, – поправил ее Иванов.

– То есть направили, – повторила студентка и покраснела.

– Степан Петрович, мне сейчас убирать или потом? – вдруг прервала разговор внезапно вошедшая толстая санитарка с ведром и шваброй в руках.

– Ты, Ивановна, имеешь одну плохую черту, – Степан повернулся к санитарке. – Вернее две – появляться не вовремя и внезапно. У меня роженица на столе, а ты со своей шваброй. Иди, покури пока.

- Так я не курю, – удивилась санитарка.
- Тогда проветрись, – посоветовал ей Степан.

Санитарка шмыгнула носом. О ее пристрастии к крепким напиткам знали все в больнице. От главврача, до практикантов, хотя она безуспешно пыталась это скрывать. Знали, и не обращали на это никакого внимания. В роддоме каждые руки были на вес золота, особенно если это были санитарки и медсестры, которые не имели привычки здесь подолгу задерживаться. И только Ивановна верой и правдой служила здесь чуть ли с момента открытия роддома. На замечание врача, она только шмыгнула носом и повернула обратно.

– Ну ладно, я потом зайду, – она оставила в уголке ведро и шабру и, аккуратно закрыв за собой дверь, удалилась.

- Ну что? – Иванов снова обратился к практикантке. – Начнем?

Девушка пожала плечами:

- Начнем.

Степан направился в соседний зал. Практикантка вкатила следом столик с инструментами. В зале, отделанном белым кафелем было два операционных стола. На одном, укрытая серой от многочисленных стирок простыней лежала молоденькая, почти девчонка, девушка. Возле нее возилась пожилая сухая акушерка.

– Степан, – сурово пробормотала она, едва Иванов переступил порог. – Где ты ходишь? У нее воды давно сошли.

- Дела, Валечка, дела, – отшутился Степан.

- У тебя не дела, а работа, – строго заметила акушерка.

– За что я тебя люблю, Валечка, так это за то, что с тобой бесполезно спорить. Ну что? – Иванов наклонился над пациенткой. – Как настроение?

- Поганое, – выдохнула девушка и отвернулась.

- Это хорошо, – пробормотал Степан себе под нос.

– Эта девица заявила, что ей ребенок не нужен, – Валентина возилась с инструментами. Она перекладывала их по своему усмотрению. За годы работы акушеркой у нее установился четкий порядок раскладки инструментов. Все лежало так, чтобы в нужный момент можно было сразу отыскать необходимое. Нарушить этот порядок имел право только один человек – Степан, который незаметно от Валентины перекладывал инструменты по своему усмотрению. Практикантка только удивленно хлопала глазами, наблюдая за этой игрой.

– А кому он нужен? – хотел было пошутить Иванов, отодвигая подальше от своей помощницы столик с инструментами, но, встретив колючий взгляд Валентины, вернул его на место.

– Ну-с, – Степан осторожно ощупывал живот роженицы. – Пора. Не робей. В первый раз всегда страшно. Давай. Тужься. Сильнее. Еще. Еще.

- Не могу, – девушка от боли закатила глаза.

- Сможешь, – Иванов пытался подбодрить девушку. – Дыши глубже и тужься сильнее.

- Не могу, – стонала девушка. – Не могу.

– А трахаться под забором ты можешь? – вдруг прикрикнула на нее Валентина, помогая Степану вытащить ребенка на свет. – Тужься, тебе говорят. Еще. Сильнее. Дыши. Дыши.

– Не хочу. Не могу, – девчонка билась в истерике. – Зачем он мне? Куда я с ним? Я еще слишком молода. Не хочу! Не могу! Не надо.

- А раньше ты о чем думала? – Валентина пыталась утихомирить рожавшую.

– Не знаю. Я не думала... Так получилось. Не хочу, не могу, – девчонка вскрикнула и потеряла сознание.

- Что ты млеешь? – акушерка хлопнула роженицу по щеке. – Степан, она уплывает.

– Дай ей понюхать, – спокойно сказал Степан, продолжая возиться с ребенком, который никак не хотел появляться на этот свет.

– Нашатырь! – крикнула Валентина в сторону практикантки.

С перепугу и от волнения та перепутала флаконы. Дрожащими руками подала первый попавшийся. Валентина заорала:

– Что ты суешь? Дают практикантов – самих откачивать надо! Нашатырь давай!

Студентка постаралась взять себя в руки. Быстро отыскав в куче баночек и пузырьков нужный флакон, протянула его Валентине. Та выхватила его, сунула под нос роженице.

– Ну что? – Валентина смотрела на Степана.

– Не идет, – сопел тот. – Ставь капельницу! Укол!

– Шприц! – Валентина протянула руку в сторону практикантки. – Десять кубиков.

Студентка быстро вставила иглу в шприц и протянула Валентине. Та резким движением всадила иглу в сгиб локтя девушки и мгновенно выдавила содержимое.

– Ну как? – Степан, не прерывая своего дела, спросил у Валентины, возившейся с девушкой.

– Лучше, – проворчала Валентина. – Но без изменений.

– Ты, Валентина, как всегда лаконична и точна.

Степан возился с ребенком, пытаясь вытащить его на свет. Валентина откачивала девушку, которая, потеряв сознание, никак не могла придти в себя. Один спасал еще не родившегося. Другая – еще не родившую. Практикантка, стоя в стороне, только наблюдала за ними, стараясь в точности выполнять указания врача и акушерки.

– Что ты возишься? – Валентина нервничала. – Тяни быстрее!

– А я что делаю? Давай, родной, выходи, – Иванов сделал последнее движение и вытащил ребенка на свет. Новорожденный всхлипнул и замолк.

Валентина ловко перерезала пуповину и, завернув новорожденного в обрывок простыни, положила его на соседний стол. Степан что-то прошептал ей на ухо. Та выскочила из родзала и через мгновение вернулась со шприцем. Иванов сделал еще один укол роженице. Валентина возилась с капельницей. Она никак не могла попасть в вену. Чертыхаясь, она наконец-то всадила иглу. Все склонились над девчонкой. Та приоткрыла глаза.

– Кто? – еле слышно прошептала она.

– Мальчик, – сказала как-то тихо Валентина и, помедлив, добавила. – Мертвый.

Пациентка снова потеряла сознание.

– Ничего, – сказал Иванов, стаскивая перчатки. – Оклемается. Увози ее и оформи бумаги.

– А сам что? – Валентина поправила капельницу. – Не можешь?

– Я тебе доверяю, – вяло откликнулся Иванов и, бросив перчатки на край стола, вышел из операционной.

Не снимая халата, Степан тщательно мыл руки по несколько раз намыливая и смывая густую мыльную пену. Делал он это, не торопясь, словно хотел отмыть едкую невидимую грязь. Теплая, чуть рыжеватая, вода текла тоненькой струйкой, но увеличить напор Иванову было лень, и он аккуратно подставлял по очереди каждый палец под ручеек. Не успел он ополоснуть последний палец, как на пороге появилась практикантка.

– Степан Петрович, – с волнением в голосе произнесла она. – Мне нужно с вами поговорить.

– Одну минуточку, – Степан сполоснул еще раз руки, встряхнул ими и закрыл кран. Кран обиженно зашипел, выплюнув остатки воды, и замолк.

– Ну, так о чем вы хотели со мной поговорить? – Степан снял полотенце с вешалки и, с таким же усердием, как и мыл, стал вытирать руки. – Я слушаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.